

Изданіе Т-га А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

НЕВРАСТЕНИЯ

и нервная заболѣванія, половое безсиліе, невралгіи, спинная сухотка, параличи, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіеся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ стѣнныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей органотерапией, высылаются за четыре 7-копѣчныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-вья ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ВЕЧЕРНИЕ АГРОНОМИЧЕСКІЕ КУРСЫ

Петроградскаго О-ва Народн. Университетова. На курсѣ принимаются лица обоимъ годамъ, не мѣняе 16 лѣтъ, окончившіе низшую с.-х. школу или имѣющіе свидѣтельство 4-хъ клас. гимн., реальн. учил., коммерч. и т. п. Плата за слуш. досѣль и практическихъ работъ 70 руб. въ годъ. Курсы четырехлѣтніе. Начало занятій 15-го сентября. Канцелярія открыта по субботамъ съ 6—8 ч. Петроградъ, Моховая, 35. Прислать документы высылаются по требованію.

ЖЕЛЕ. МЫЛО. ПУДРА
ФИЛОДЕРМИНЪ
для смягченія и бѣлизны
кожи лица и рукъ
А. ЛЕМЕРСЬЕ.

Употребляйте PASTILLES VALDA (Лепешки Вальда) отъ ПРОСТУДЫ.

Лепешки эти продаются въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ исключительно въ коробкахъ съ красной бандеролью снабженныхъ именемъ

VALDA

и адресомъ единственнаго ихъ
фабриканта
N. CANONNE
PARIS.

Новое изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Печатается и въ скоромъ времени поступитъ въ продажу:

ЗАГОВОРИЛИ МОЛЧАВШІЕ!

Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

письма англійскихъ солдатъ
съ 74 иллюстраціями.

ПАМЯТЬ укрѣпляетъ ЗА-
ОЧНО профессор
мине, Чл. Нарк. Акад. С. Файн-
штейн, ОДЕССА, 17/28.
Практика. в Россіи уже сот. 28 л.
съ больш. успѣх. (см. Дѣл. Нивы)
пр. л. — Проз. вых. на 10 к. мар.

Каталогъ для учащихся
ср.-уч. зав. и готовящихся
высылаются по требованію бесплатно.
Книжный складъ А. И. НАЗАРОВА, 212
МОСКВА, Тверская, Леонтьевскій, 17.

Только-что вышла новая книга
„РУССКІЙ ДАРЪ МІРУ“
Вкладъ Россіи въ мировую культуру.
Русская литература, наука и искусство въ оценкѣ 20 англійскихъ уче-
ныхъ. Переводъ съ англійскаго языка.
Цѣна 50 коп., пачож. лт. 70 коп.
Продается въ кн. магаз. „Новое Время“,
Вольфа, Карбасникова и др. Складъ изданій:
Книжн. магаз. „Общественная Жизнь“.
Петроградъ, Офицерская ул., 5.

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ,
ул. Гоголя, 22.

Потапенко, И. Н. сочиненія.
Т. I. „Счастье поневоле“. Т. II. „На дѣйствительной служ-
бѣ“. Т. III. „Жизнь жизнь“. Т. IV. „Здравый
пониманіе“. Т. V. „Побѣда“. Т. VI. „Пьесы“.
Т. VII. „Дни счастья“. Т. VIII. „Однѣн“.
Т. IX. „Записки стараго студента“. Т. X.
„Свѣтлый лучъ“. Т. XI. „Любовь“. Т. XII.
„Сильфиды“. Изданіе издан. книги in 8°. Цѣна
каждаго тома 2 руб., съ перес. 2 р. 25 к.;
въ перепл. 2 р. 60 к., съ перес. 2 р. 85 к.

Саловъ, И. А. полное собра-
ніе сочиненій.
Т. I. „Мертвое тѣло“. Т. II. „Разбитыя
мизны“. Т. III. „Олимпийскій молодой ба-
рихъ“. Т. IV. „Гризуны“. Т. V. „Грезы“.
Т. VI. „Грачевскій крокодилъ“. Изданіе
изданіе in 8°. Цѣна каждого тома 1 р. 25 к.,
съ перес. 1 р. 50 к.; въ перепл. 1 р. 75 к.,
съ перес. 2 р.

Баранцевичъ, К. С. полное собра-
ніе сочиненій Т. I. „Чужакъ“, 26 рассказовъ.
Т. II. „На полнѣ Божью“, 36 рассказовъ.
Т. III. „Тихое счастье“, 24 рассказы. Т. IV.
„Петербургскій случай“, 23 рассказы. Т. V.
„Знакъ“, 32 рассказы. Т. VI. „Послѣдняя
воля“, 16 рассказовъ. Т. VII. „Побѣда“,
18 рассказовъ. Т. VIII. „Раба“, 24 раз-
сказа. Т. IX. „Муть“, 33 рассказы. Изданіе
изданіе in 8°. Цѣна каждого тома
1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.; въ перепл.
1 р. 75 к., съ перес. 2 руб.

Жуковский, В. А. полное собра-
ніе сочиненій въ 3-хъ томахъ. Помя ред. пр. ф. А. С.
Архипельскаго. Прекрасное изданіе на
хорошей бумагѣ. Цѣна трехъ томовъ —
3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.; въ 3-хъ пе-
репл. 4 р. 20 к., съ перес. 4 р. 75 к.

№ 38. Выходитъ ежедѣльн. (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУКИНА, И. А. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНА,
12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 № „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.
Выдаеъ 19 сентября 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Днепильскіе военныя дѣйствія. К. Шумскаго. — Чѣмъ принесла Германія морская блокада? З. Р. Два солдата. Рассказъ
Н. Киселева. — Въ зарѣвѣ войны. (Записки военного корреспондента М. Доманскаго). — Три спѣхи. (Нпродное повѣрье). Стихотвореніе
Георгія Иванова. — Заявленіе. — Объявленія. — Отклики войны.
Р И С У Н К И: Заслуженная артистка Императорскихъ театровъ М. Г. Савина — Флягель-адъютантъ Б. А. Вилькицкий. — Городъ Тирнополь. — Костель въ Густинѣ
(Галичина) 2 рис. — Артуръ Биссготтъ. — Ноздъ Лоренсъ. — Могила товарищ. — Англійскій и германскій флотъ въ Сѣверномъ морѣ — На позиціяхъ въ Курляндіи. По фот.
полковника А. Д. Далматова (9 рис.). — Въ минуты отдыха. — Шорники за работой. — Походная пузница — Паше въ бою (25 портр.). — На питательномъ пунктѣ
(рис.). — Панорама у ярости, видимая съ артиллерійской вышки въ сейс-трубу.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ кн. 13.

Заслуженная артистка Императорскихъ театровъ
Марія Гавриловна Савина.
† 8-го сентября 1915 г.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Н. Шумскаго.
Конный набѣгъ.

Прибалтійская армія генерала Белова, дойдя до Западной Двины у Фридрихштадта, не приступила къ переправѣ черезъ Двину, какъ этого многие ожидали, и, следовательно, не двинулась въ операционномъ направленіи къ сѣверной столицѣ. Вмѣсто этого армія Белова, выставивъ заслонъ въ сторону Риги, повернула значительными силами круто направо — въ направленіи къ юго-востоку, и повела операцію сначала противъ Двинска, а потомъ противъ Свѣнцианъ.

Такимъ образомъ участокъ Двинскъ — Свѣнцианы петроградско-варшавской желѣзной дороги сталъ, нѣсколько неожиданно для многихъ, объектомъ операций прибалтійской арміи генерала Белова, вмѣсто Западной Двины. Черезъ день-два къ арміи Белова присоединилась конская армія Эйхгорна, наступавшая противъ Вильны. Тогда уже оказался атакованнымъ участокъ петроградско-варшавской желѣзной дороги Двинскъ — Свѣнцианы — Вильна, при чемъ противъ этого участка вели атаки уже двѣ арміи — Белова и Эйхгорна.

Эта операція обозначила собою охватъ праваго крыла нашего „западнаго фронта“, каковой „западный фронтъ“, какъ известно, протягивался отъ Вильны до Пинскихъ болотъ. Какъ мы уже отмѣчали, противъ этого „западнаго фронта“ наступали фронтально шесть-семь австро-германскихъ армій, атаковавшихъ Вильну, Стоунимъ, Барановичи и Пинскъ. Следовательно, къ этимъ шести-семи арміямъ, атаковавшимъ фронтально линію между Вильной и Пинскими болотами, присоединились двѣ арміи Эйхгорна и Белова, охватывавшія съ сѣвера ту же линію между Вильной и Пинскими болотами.

Послѣ ряда упорныхъ боевъ противнику удалось овладѣть станціей Свѣнцианы и прилегающимъ къ ней участкомъ петроградско-варшавской желѣзной дороги. Когда противникъ такимъ образомъ утвердился у Свѣнцианъ, т. е. на участкѣ петроградско-варшавской дороги между Двинскомъ и Вильной, онъ немедленно бросилъ свою кавалерію на слѣдующую параллельную петроградско-варшавской желѣзной дороги магистраль — Бологое — Сѣдлецъ. Для этого вмѣ была двинута конная масса въ составѣ тринадцати кавалерійскихъ дивизій, подкрѣпленная артиллеріей, пулеметами и егерскими, т. е. стрѣлковыми батальонами. Всего эта масса составляла около 25 тысячъ всадниковъ при нѣсколькихъ тысячахъ легкой пѣхоты и, примѣрно, при сотѣхъ орудій.

Эта конная масса послѣ прорыва петроградско-варшавской желѣзной дороги у Свѣнцианъ двинулась быстро къ юго-востоку по желѣзнодорожной линіи Свѣнцианы — Глубокая и вышла къ бологое-сѣдлецкой желѣзной дорогѣ. При этомъ легкая пѣхота слѣдовала за конницей и артиллеріей на автомобиляхъ и на повозкахъ.

Конница противника вышла на бологое-сѣдлецкую желѣзную дорогу на участкѣ Полоцкъ — Молодечно, но при этомъ не дошла ни до Полоцка ни до Молодечна, а лишь разрушила дорогу посреди между этими двумя пунктами. Движеніе нашихъ конныхъ частей, а также пѣхоты изъ-за Двины, со стороны Полоцка, приостановило распространеніе противника къ Полоцку.

Тогда конница противника, за которой, какъ оказалось впоследствии, слѣдовали значительныя массы пѣхоты армій генерала Эйхгорна, повернулась въ другую сторону, а именно — въ сторону Молодечна, каковая станція находится, примѣрно, посре-

Капитанъ 2-го ранга флигель-адъютантъ Б. А. Вильюкинъ, совершившій переходъ на двухъ транспортахъ-ледоколахъ „Таймырь“ и „Вайгачъ“ по Сѣверному океанскому пути изъ Владивостока въ Архангельскъ, куда благополучно прибылъ 3-го сентября 1915 г. По фот. I. Оула.

динѣ желѣзной дороги Вильна — Минскъ. Противникъ, очевидно, стремился занять Молодечно, чтобы воспрепятствовать отходу нашихъ виленскихъ войскъ на Минскъ. Однако противникъ не былъ допущенъ къ станціи Молодечно, и наши арьергарды задержали его до тѣхъ поръ, пока наша виленская группа не миновала станціи Молодечно.

Такъ какъ южнѣ Молодечно отъ Вильны отходилъ другой путь — на Лиду и Барановичи, то другая армія противника — генерала Гальвица, наступавшая отъ Гродны, бросилась къ Лидѣ, чтобы закрыть выходъ виленской группѣ и по этой дорогѣ Вильна — Лида — Барановичи. Однако и здѣсь противникъ не былъ допущенъ къ Лидѣ, и наши арьергарды впереди Лиды задержали армію Гальвица до тѣхъ поръ, пока части нашей виленской группы, отходившія отъ Вильны черезъ Лиду, не прошли черезъ Лиду.

Такимъ образомъ въ окончательномъ итогѣ противнику не удалось закрыть выходъ виленской группѣ, и послѣ конницы его имѣлъ своимъ результатомъ лишь занятіе, кромѣ петроградско-варшавской дороги, еще нѣкотораго участка бологое-сѣдлецкой дороги между Полоцкомъ и станціей Молодечно.

Это имѣло нѣкоторое стратегическое значеніе. Для того, чтобы уяснить себѣ, въ чемъ заключалось стратегическое значеніе появленія противника на бологое-сѣдлецкой дорогѣ, необходимо вспомнить, что назв. „западный фронтъ“, протянувшійся между Вильной и Пинскими болотами, имѣлъ три коммуникаціонные пути, отходившіе къ сѣверо-востоку, по которымъ шло сообщеніе съ тыломъ: участокъ петроградско-варшавской дороги — Молодечно — Полоцкъ и участокъ бологое-сѣдлецкой дороги — Барановичи — Минскъ. Следовательно, съ занятіемъ петроградско-варшавской дороги и съ появленіемъ противника на участкѣ Молодечно — Полоцкъ бологое-сѣдлецкой желѣзной дороги, отъ нашего „западнаго фронта“ отходилъ только одинъ коммуникаціонный пунктъ по московско-брестской дорогѣ — черезъ Барановичи — Минскъ и далѣе къ сѣверо-востоку.

Это положеніе давало нѣкоторую аналогію съ положеніемъ манчжурскихъ армій въ кампанію 1904—1905 годовъ, когда у манчжурскихъ армій была, какъ известно, только одна коммуникаціонный путь, но значительно болѣе длинный — сибирская желѣзная дорога.

Поэтому наличіе лишь одного коммуникаціоннаго пути дѣлало этотъ путь крайне чувствительнымъ и подразумевало возможность всякихъ покушеній на этотъ путь со стороны противника, который будетъ пытаться лишить насъ и этого коммуникаціоннаго пути. Следовательно, послѣ появленія противника на участкѣ Полоцкъ — Молодечно бологое-сѣдлецкой желѣзной дороги, слѣдовало ожидать, что онъ двинется къ Минску и Борисову московско-брестской дороги, отъ которой противника отдѣляло 80—100 верстъ.

Кромѣ того, если прочесть далѣе операционное направленіе армій противника, проникшихъ отъ Свѣнцианъ къ бологое-сѣдлецкой дорогѣ, то оно выводито не только на Минскъ и Борисовъ, но и далѣе къ Пинскимъ болотамъ, т. е. противникъ,

Артуръ Бигсоттъ, англійскій военный летчикъ, потопившій бомбами съ аэроплана германскую подводную лодку.

шнущъ вошкамъ, сражавшимся у Барановичей, Стоунима и Лиды. Конечно, этотъ фантастическій планъ не могъ быть осуществленъ противникомъ, подобно тому, какъ до сихъ поръ противникъ не осуществилъ ни одного стратегическаго окруженія, какъ, напримѣръ, не добился стратегическаго окруженія въ „варшавскомъ мѣшкѣ“.

Слѣдовательно, этотъ замыселъ противника не столько намѣчать „прижатіе“ насъ къ Пинскимъ болотамъ, сколько угрозу нашимъ путямъ отступленія съ тѣмъ, чтобы мы въ дѣствіе этой угрозы поспѣе отошли отъ Лиды, Стоунима и Барановичей къ верхнему Днѣпру въ могилевскомъ районѣ, очинивъ такимъ образомъ и минскій районъ.

Однако наступленіе противника отъ бологое-сѣдлецкой дороги на перерѣзъ московско-брестской дороги было задержано впереди этой дороги, и противникъ тогда отхлынулъ съ частью силъ къ виленскому району, гдѣ продолжалъ пытаться охватить часть виленской группы, чего ему сдѣлать не удалось.

Оснывая эту операцію противника, мы видимъ, что противникъ прибѣгъ здѣсь къ особому приему. Этотъ приемъ заключался въ томъ, что противникъ двинулъ сначала на перерѣзъ петроградско-варшавской, бологое-сѣдлецкой и московско-брестской дорогъ только одну армію Белова, т. е. тысячъ дѣсти. Этимъ противникъ хотѣлъ какъ бы убедить насъ въ томъ, что его охватъ, какъ преданный небольшимъ силами, не столь ужъ серьезенъ. Если бы противникъ двинулъ сразу пять армій, т. е. до 1 миліона человекъ, то, конечно, движеніе миліона человекъ отъ Свѣнцианъ наперерѣзъ бологое-сѣдлецкой и московско-брестской желѣзныхъ дорогъ явно бы означало, что противникъ хочетъ прижать наши арміи къ Пинскимъ болотамъ. Но противникъ не хотѣлъ этого одновременно обнаружить и на дѣлѣ, придержавъ насъ у Лиды, Стоунима и Барановичей, успѣвъ закрыть выходы къ сѣверо-востоку у Минска и Борисова райвъ, чѣмъ туда отойдутъ войска отъ Лиды, Стоунима и Барановичей.

Поэтому-то противникъ, не показывая сначала серьезной угрозы,

пропавшійся у Свѣнцианъ, стремился проскочить къ бологое-сѣдлецкой дорогѣ, а оттуда къ московско-брестской и затѣмъ къ Пинскимъ болотамъ, чтобы такимъ путемъ закрыть выходъ къ сѣверо-востоку на

длинну къ одной только армію Белова къ Минску и Свѣнцианамъ. Затѣмъ къ нему автоматически присоединилась сосѣдняя виленская армія Эйхгорна, и чисто охватывающіе войска уже удвоились.

Костель въ Гусятинѣ (Галичина), построенный въ 1599 г.; часть его стѣнъ полуразрушена, но зданіе осталось въ полной сохранности.

Внутренній видъ костела въ Гусятинѣ (Галичина). Живопись очень древняя и не реставрированная.

Нозль Лоренсъ, командиръ англійской подводной лодки, награжденный орденомъ св. Георгія 4-й степени за удачную атаку линейнаго корабля германскаго флота типа „Мольте“ въ Балтійскомъ морѣ.

Еще далѣе, по мѣрѣ занятія противникомъ Свѣнцианъ, Вильны и бологое-сѣдлецкой дороги, къ противнику присоединилась оранская группа войскъ, наступавшая между Вильной и Гродной. Тутъ же рядомъ съ оранской группой оказалась армія Гальвица, которая также завернула къ востоку и также стала охватывать.

Такимъ образомъ, въ теченіе 2—3 дней, вмѣсто одной арміи Белова стало охватывать цѣлыхъ пять армій, наступавшихъ между Лидой и Двинскомъ черезъ бологое-сѣдлецкую дорогу въ направленіи на

московско-брестскую.

Однако это наступленіе было задержано впереди московско-брестской дороги, а наши арміи, находившіеся у Лиды, Стоунима и Барановичей, стали отходить вдоль московско-брестскаго пути къ сѣверо-востоку, въ направленіи къ минскому району. При этомъ пять охватывающихъ армій противника были отвлечены дѣйствіями нашихъ войскъ на ихъ лѣвомъ крылѣ — у Двинска и впереди Полоцка на бологое-сѣдлецкой дорогѣ.

Такимъ образомъ грандіозный стратегическій охватъ противника, мечтавшего прижать насъ къ Пинскимъ болотамъ, былъ приостановленъ и между московско-брестской и бологое-сѣдлецкой дорогами, и на широкое 100-верстномъ промежуткѣ завязались упорнѣйшіе бои.

Отъ исхода этого сраженія зависѣла судьба всего Полѣсся и района къ сѣверу отъ него, т. е. громаднаго пространства между линіями Двинскъ — Полоцкъ — Витебскъ — Могилевъ и линіей Лида — Барановичи — Пинскъ. Противнику необходимо было для завершенія „програмы перваго года войны“ выйти къ верхнему Днѣпру въ могилевскомъ районѣ, и онъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы выполнить обходъ пяти армій, выводившихъ его къ верхнему Днѣпру и Березинѣ. Результаты этого сраженія должны были обрисоваться въ теченіе ближайшей недѣли.

Городъ Тарнополь (Восточная Галиція)

Что принесла Германии морская „блокада“?

(См. карту на стр. 705).

Этого вопроса не раз касалась печать разных стран. Подробное обсуждение его и категорический ответ на него дает нью-йоркский журнал „World's Work“ („Мировая работа“). Вопрос поставлен так: Достигла ли блокада своей цели? Изолирована ли Англия? Принесла ли она Германии пользу, равную вреду, который причиняет ей вызванная безбожностью припадением этой мѣры мировая вражда?

Проверка достигнутых результатов дает факты и цифры, сами по себе, положим, достаточно ужасающие, но требующие освящения путем статистики и сравнений.

Блокада вошла в силу 17-го февраля н. ст. „Лузитания“ потоплена 7-го мая. За эти 78 дней было потоплено 90 судов: 63 английских, 5 французских, 3 русских, остальные нейтральные — американские, голландские, шведские, норвежские, одно датское, одно греческое. На первый взгляд много, очень много. Но взгляды изменятся, если приложить масштаб сперва арифметики, потом истории. 90 судов в 78 дней: это дает 1¹/₂ судна в день. В 1912 году Великобритания имела 3.386 парусников и 9.672 парохода, всего 13.058 судов, занимавшихся домашней береговой и заграничной торговлей. На уничтожение этих судов, считая по 1¹/₂ в день, потребуется 11.257 дней, иначе сказать — 30 лет, 10 месяцев и 7 дней, не включая сюда новых судов, которые за это время будут строиться.

Исторический масштаб дает результат не более утешительный для Германии.

В 1812 году Соединенные Штаты воевали с Англией, военный флот которой, будучи несравненно больше и лучше американского, держал все атлантическое побережье под строгой блокадой. И все же, в эту три года длившуюся войну, американские военные корабли и каперы отобрали у англичан до 2.500 судов, средним числом около 2¹/₂ в день.

Судя по всем этим данным, не предвидится, чтобы „изоляция“ Великобритания нанесла большой ущерб ее заморской торговле. Статистика, напротив того, показывает значительное увеличение ввоза всевозможных товаров за истекший март против того же месяца в прошедшем году, невзирая на то, что в этом самом месяце были потоплены 25 британских судов и 4 нейтральных. На деньги это представляет скачок от 670 миллионов рублей до 756 миллионов. В эти ввозы за март прошедшего 1914 года входило муки и хлеба зерно на 59 миллионов, за истекший же март на 96 миллионов почти вдвое. Разных металлов было ввезено на 6 миллионов больше. Лошадей из Соединенных Штатов в март 1914 года было ввезено 760, в март же текущего года 3.465.

С начала войны до 7 мая 1915 г. (9 месяцев и 1 неделя) Германия уничтожила 143 британских судна и 13.058 — 1¹/₂ с небольшим, а если считать по вместимости, получится уничтоженных 339.760 тонн из 11.714.198, т. е. около 3%. Если считать, что судно может прожить 25 лет, то это меньше нормального процента его обезвреживания за то же время, что представляет совсем уж незначительный финансовый ущерб всему британскому судовому комплексу.

Несомненно, что устрашающего воздействия можно ожидать скорее от нравственного впечатления, которое производит блокада, а главное — безчеловечный способ ее применения, нежели от наносимого финансового убитка. Но и тут история учит, что страх смерти никогда надолго не удерживал отважных людей от риска, даже когда дело шло исключительно о наживе, а не имело, как в настоящем случае, еще и высокую идейную сторону.

Но великий и непоправимый вред блокады нанесла и продолжает наносить своим учредителям. Если бы топи-

лись только суда воюющих сторон, притом с соблюдением гуманитарных Женевских и Гаагских правил, это не вызвало бы особенно злобных чувств: что делать, на то война. Но своим полным неуважением к нейтральным флагам, безпримысленной жестокостью, с которой губится жизнь сотен людей, ничем к войне не причастных, мирно занимающихся своим частным делом, без разбора национальности, пола и возраста, германцы выгнали всемирное к себе негодование и отвращение. Потопление „Лузитания“, долго обдуманное и заранее нагло объявленное, стоявшее жизни не менее как тысячи частных людей, в том числе ста с лишком американцев и многих десятков граждан дружелюбных нейтральных стран, а затем недавнее потопление „Арабика“ затмили все предыдущие „подвиги“ современных викингов, и весь мир утвердился в предположении: „массовое убийство“, вынесенный английскими общественными судами. Известно, какой переворот этот брошенный в лицо всему христианскому миру вызов произвел в отношении Америки к Германии. Отношение это, по разным причинам, из которых главной является присутствие в Штатах могущественного германского элемента в лице восьмимиллионного так называемого „германо-американского“ населения, до того заметно благожелательное, мгновенно превратилось в открыто враждебное и, только благодаря осторожности стоящего во главе нации правительства, не выразилось импульсивным объявлением войны. Но нейтралитет бывает разный, и Америка имеет много возможностей, не прибегая ему формально, весьма ощутительно дать почувствовать свое неудовольствие.

Итак, оканчивая свое разсуждение журнал, — Германия своей „изолирующей“ политикой достигла совершенно неожиданного для нее результата. Если, по части физического изолирования великобританских островов, она может похвалиться некоторым успехом, зато с политическим успехом самой себя изолировала от симпатий и нравственной поддержки всего цивилизованного мира. Бисмарк считал цинизм нравственной поддержки своей политики не меньшей мѣрой равной цинизму физической мощи военного строя Германии. Нынешние же правители Германии ставят нравственную поддержку ни во что. Чем суждение вѣрнее, покажет время. Весьма возможно, что установление военной зоны вокруг Великобритании окажется решительным толчком в сторону падения Германской империи.

З. Р.

Чаепитие на позициях. Офицеры гусарского полка, вместе со священником своим о. Покровским, довольно комфортабельно устроились на позициях, под прикрытием обстреливаемого немцами блиндажа.

На позициях в Курляндии. По фот. полковника А. Д. Далматова.

(См. очерки Н. Н. Брешко-Брешковского: „На Прибалтийском театре войны“ и „Война в Прибалтийском крае“ в №№ 26 и 27 „Нивы“).

Два солдата.

Разсказ Н. Киселева.

Есть такая притча: была у царя корона, сдѣланная искусно из чистого золота, и украшена она была драгоценными камнями: алмазами, рубинами, опалами, изумрудами, сапфирами. Своя игра у каждого камня, свой блеск, своя красота, своя особая, незабываемая цѣнность. Ни одного камня нельзя выбросить, ни про один камень нельзя сказать: „это плохой камень“, и ни один камень недостойно унизить перед другими! Корона эта — земля, а камни — люди Господни.

Вот тогда-то и вспомнилась мне притча эта. Наслаждаюсь дѣтним отдыхом в постѣ муштровки военного училища, ѣхал я из отцовского имѣния в гости к родному дядѣ, старому отставному генералу, грузному и тяжелому на подъем, но с открытым, крикливым и радужным характером. Близилась к нему каждая дѣта с самых младенческих дѣт своих. Время брало свое, и с каждым годом генерал становился все грузнее и неподвижнее. Но я словно умышленно не хотѣл замечать в нем никакой измѣны. В моих глазах он все был таким же, каким остался в дѣтских воспоминаниях. Там, в ясном дѣтствѣ моем, я всегда видѣл его высокую и дорожную фигуру величественно расхаживающей по усадьбѣ и огромным голосом отдающей приказанія работникам, чуть не за версту что-то дѣлавшим в полѣ. Или видѣл я его сидящим на деревянном скрипучем крыльцѣ старого барского дома, на широких кожаных креслах с какими-то чуждыми шишечками наверху, и вершинами расправы над нерадивыми. И для меня и для моего старшего брата, тогда еще мальчика, а теперь уснувшего великою смертью храбрых, не было большего наслаждения, как смотреть на эту расправу. Все работало, пока жили в имѣнии, столь подпадали под обаяние генеральской прямоты, что охотно все подчинялись его военной дисциплинѣ.

Налѣво кругом марш! Подъ часы! — командовать на всю окрестность генерал, и виновные ворочались, кто налѣво, кто направо, лихо отбивали ногу и становились к прохладной стѣнѣ варка, наказанные, гордые своей военной выправкой, сладко отдыхая в густой тѣни от солнечного зноя.

И всегда мне вспоминается при этом один смѣшной случай, как какой-то сильно виновный и выпивший мушкетер послѣ команды повалился на ноги генералу и замолчил:

— Ослобонь от варка, ваше благородіе!

— Какъ? Что? — зареулся генерал.

— Поѣхал ты меня, баринушка.

— Какое же я имѣю право? — смутился генерал.

— А ты безъ права. Вели, ваша милость, кучеру Игнашки наложить березокъ похлеще. Онъ сбѣгаетъ, ужъ я уприсилъ его. Да выскочи ты меня до того, чтобы мне далеко нельзя было бѣгать.

— Пошелъ, пошелъ к варку! Проспись там хорошенько!

— Проспаться-то я проспался, да вѣдь завтра опять за водкой

Пулеметы в дѣйстви. Тотчас же по взятіи нашими гусарами баронского имѣнія откуда выбиты были заставшіе немцы, пулеметная команда съ изумительной быстротой втащила два пулемета на крышу-площадку высокой башни замка, и отступающій врагъ былъ обстрѣлянъ, потерявъ много пѣхотинцевъ и всадниковъ.

На позициях в Курляндии. По фот. полковника А. Д. Далматова.

(См. очерки Н. Н. Брешко-Брешковского: „На Прибалтийском театре войны“ и „Война в Прибалтийском крае“ в №№ 26 и 27 „Нивы“).

Солдат-скульптор. Унтер-офицер гусарского полка Шаталовъ и въ мирное время отличался большими способностями к скульптурѣ. На войнѣ, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Курляндіи, Шаталовъ, отважный солдатъ и георгиевскій кавалеръ, на передовыхъ позиціяхъ усердно занимался скульптурою, дѣлая изъ рѣчной глины цѣлыя группы въ натуральномъ человѣческомъ ростѣ. На снимкѣ полковникъ Далматовъ Шаталовъ изображенъ рядомъ со своимъ послѣднимъ произведеніемъ. Русский солдатъ шаловливо треплетъ за ухо и за носъ Вильгельма. Эту композицію Шаталовъ вылепилъ въ продолженіе часа въ имѣніи Априентъ, тотчас же по изгнани оттуда немцевъ. Отходя, гусары уничтожили группу, чтобы немцы изъ мести не сожгли сосѣднія латышскія мызы.

побѣгу на сѣто. А время, самъ знаешь, какое горячее, и для дома бы надо поработывать. Уважь ты меня, наѣдки хорошенъко. Вотъ тебѣ крестъ, заслужи.

Но мужикъ такъ и остался немысленнымъ, а вѣсто этого былъ хитроумно напоенъ водкой такъ, что на другой день не захотѣлъ и опохмеляться.

Когда я представляю себѣ дядню наружностью, то я всегда вспоминаю прежде всего его большія темныя руки, всегда загорѣлыя, которыя любовно гладили меня по стриженной головѣ, потомъ близкій китель съ золотыми пуговицами, рѣзко блестящими на солнцѣ, и постѣ этого уже широкое бородатое лицо съ хрипеватымъ толстымъ носомъ — все строгое и такое добродушное, какъ бываетъ у крупныхъ и умныхъ животныхъ, спокойныхъ и благожелательныхъ.

Дядя былъ закоренѣлый холостякъ, всю жизнь свою проскитался по цыгански по всему широкому лицу земли, никогда не зная ни семейнаго уюта ни дѣтской ласки. Въ имѣніе же наѣзжалъ только по лѣтамъ. Поэтому-то, быть-можетъ, такъ и любилъ онъ дѣтей своего брата, всѣхъ насъ. Я помню, что смерть моего брата стоить потрясала его, что онъ былъ долго боленъ.

Къ этому-то дядѣ и ѣхалъ я теперь одинъ, безъ брата. Я не знаю, хорошо ли я дѣлаю. Я бы не хотѣлъ ему вновь напомнить своимъ прѣдѣломъ, что теперь навсегда я стану бѣднѣе къ нему въ одиночествѣ, но съ другой стороны, мне думалось, что онъ обрадуется мнѣ больше, чѣмъ всегда, чтобы только страхнуть съ себя свое тяжелое уединеніе.

Стояло знойное полуденное удрученіе

Переправа гусарского эскадрона через рѣку Виндаву.

и нѣмота надъ всѣми полями и лѣсами, мимо которыхъ везъ меня по пыльной дорогѣ нашъ кучеръ Сидоръ. Лѣто было благопріятное для хлѣба и травы, и веюду, куда только глаза хватъ, стояли высокія и густыя зеленныя моря безъ единого островка незаросшей земли. Но могучее солнце вмѣстѣ съ ними вывело по всѣмъ полямъ на свѣтъ Божій и цѣлыя тучи всякихъ слѣпней, комаровъ, рогатыхъ и усатыхъ мухъ и еще какихъ-то удивительныхъ наѣдомыхъ, съ размаху натѣкающихъ на что понало и оглушающихъ себя. Солнце жгло, лошади трусили монотонно, цѣлый жидкой, широкій, но однотонный хоръ нѣлъ за моей спиной, и въ октаву ему высоко звенѣла какая-то расхлябанная гайка у тарантаса, и все это было такъ утомительно и трудно, что я сталъ забываться. Какъ вдругъ потянуло легкой прохладой, потомъ нѣтеркомъ, и внезапно обѣ высокія стѣны ржи, глухо стоявшія по обѣимъ сторонамъ дороги, и дальняя сосна придорожная дрогнули, склонились и загудѣли, и деревня, черезъ которую мнѣ надо было ѣхать, и которая была совсѣмъ на виду у меня, вдругъ исчезла въ летучей пыли. Выскоко вверху пролетѣла откуда-то рокожа, и черная гуча, словно море, залила все ясное небо. Засіяла зловѣще, молнія, заревѣлъ громъ, ударила мнѣ въ лицо холодная, крупная капля, и вдругъ за спиною завѣсой настоящего дождя-ливня печезли всѣ окрестности. Все случилось такъ внезапно, что нечего было и думать добраться до деревни. Сидоръ началъ было хлестать лошадь такъ, что она стала лягаться, но колеса, словно войлокомъ, окутало густой грязью.

— Ваше благородіе! Пожалуйте къ намъ! — вдругъ услышалъ я откуда-то среди гуча и шума стихійнаго.

Засерните, вашъ сіяе! — прокричѣлъ оттуда же другой голосъ, старческий.

Слѣва разглядѣлъ я полевою часовню, какія ставять въ нашихъ мѣстахъ по дугамъ для благодарности, съ темной иконкой, съ жесткой лампадкой, съ маленькимъ, но широкимъ навѣсомъ въ видѣ галки. Я оставилъ своего Сидора на произволъ судьбы и бросился туда свозъ дождевую толпу.

Тамъ, словно двѣ козявки, жились два человека. Одинъ былъ солдатъ съ котомкою за плечами, другой — цѣлѣбный старикашка босикомъ. Втроемъ намъ еще хватило мѣста.

На позиціяхъ въ Курляндіи. По фот. полковника А. Д. Далматова.

(См. очерки Н. Н. Брешко-Брешковскаго: „На Прибалтійскомъ театрѣ войны“ и „Война въ Прибалтійскомъ краѣ“ въ №№ 26 и 27 „Нивы“).

Нашъ сотрудникъ и военный корреспондентъ Н. Н. Брешко-Брешковскій со священникомъ гусарскаго полка о. Покровскимъ въ баронской усадьбѣ Априкенѣ, спустя нѣсколько минутъ послѣ того, какъ нѣмцы были выбиты гусарами изъ усадьбы. За участіе въ кавалерійскомъ бою, за взятіе Априкена и за то, что, подъ сильнымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ непріятеля, былъ переводчикомъ между командиромъ эскадрона и захваченнымъ на позиціяхъ неизвѣстнымъ, Н. Н. Брешко-Брешковскій награжденъ георгіевскою медалью за храбрость.

Ты далеко, солдатъ? спросилъ я.
Да опять къ себѣ, въ солдатство. Былъ раненъ, отдыхать дома.

Старикъ повертѣлъ головой, засмѣялся и скакалъ:

Солдатъ. Какое это слово? Совсѣмъ чудное.

А какъ я тебя училъ? сказалъ ему солдатъ. Ну-ка, повтори. Чтò есть солдатъ?

Старикъ вытянулъ руки по швамъ, высоко поднялъ голову, такъ что борода его стала торчать горизонтально, и сказалъ безъ передышки:

Солдатъ есть названіе первое и общее. Солдатомъ называется какъ простой рядовой, такъ и твой бригадный генералъ, такъ и первое военное лицо въ государствѣ.

Ну вотъ, — сказалъ солдатъ и засмѣялся, засмѣялся и старикъ.

Намъ недолго пришлось стоять у часовни. Туча пропеселась такъ же быстро, какъ и пришла. Вдругъ прогинуло солнце, и гигантская яркая радуга стала одной свѣтлозарной ногой на мокрой травѣ невдалекѣ отъ насъ, а другой размахнулась за деревню, за рѣку, за широкое поле и оперлась на далекій, чуть видный холмъ. Все рѣзало глаза мокрымъ блистаніемъ, и гладкая шерсть у лошади отливала масломъ.

Сидоръ мой забился подъ тарантасъ, подъ который осталось сухое пятно дороги. Я закричать ему, чтобы подкатывать сюда.

Чтò жъ, садитесь, подвезу до перевоза, предложу и обомъ.

Солдатъ вспрыгнулъ охотно на передокъ, старикъ же смутился.

Ноги грязныя. Поврежу вамъ экипажикъ, робѣлъ онъ, но наконецъ набрался духу и прицѣпился на подножки.

Впрочемъ, проѣхать онъ недолго. Какъ только выѣхали за деревню и начался крутой спускъ къ рѣкѣ, онъ сталъ руководить лошадью и Сидоромъ и такъ кричалъ и хлопоталъ, что даже всопѣлъ весь. Сидору, видимо, старикъ сильно надобѣло, и онъ велѣлъ ему отойти прочь. Старикъ побѣжалъ къ рѣкѣ и задрезжалъ разбитымъ голосомъ своимъ:

Перевозъ, перевозъ!

Платье стоять на той сторонѣ, но изъ будки никто не показывался. Видно, перевозчикъ спалъ или ушелъ на дѣло. Старикъ махалъ руками, словно вѣтряная мельница. Къ нему подошла гусыня съ гусенятами, вытянула шею, проинчѣла что-то и снова вернулась къ стаду, и все стадо отвѣтило одобрительно: го-го-го!

Вѣтряная мельница въ Курляндіи, возлѣ имѣнія. Около мельницы — нашъ гусарскій разъѣздъ. Движеніемъ крыльевъ этой мельницы шпіоны сигнализировали германскимъ отрядамъ.

Экій хлопотунъ! — разсмѣялся Сидоръ. Гусей-то съ ума свелъ! Капитонъ, да ты раздѣнься и плывай самъ туда. Глядѣть на тебя жалею!

Капитонъ, ни слова не изорая, сейчасъ же снялъ штаны и рубаху и бросился въ воду. Стая рыбокъ, застывшая надъ пескомъ у камешка, съ перепугу даже выскочила вверхъ. Капи-

Гусарскій эскадронъ идетъ походнымъ маршемъ вдоль берега Виндавы, чтобы атаковать усадьбу съ засѣвшими тамъ уланами 9-го померанскаго полка.

На позиціяхъ въ Курляндіи. По фот. полковника А. Д. Далматова.

(См. очерки Н. Н. Брешко-Брешковскаго: „На Прибалтійскомъ театрѣ войны“ и „Война въ Прибалтійскомъ краѣ“ въ №№ 26 и 27 „Нивы“).

Похороны убитых в бою немецких солдат. Впереди на бричке едет местный пастор.

тонь замахал над водой тощими руками. Узкий, словно доска, он плыл хорошо, подблескивая на солнце желтой синиой. Он скоро выбрался на тот берег, вскопчил на плот и потянул его к нам.

Вдруг я услышал за своей синиой беззаботный хохот, и голос, до того мне радостный и знакомый, что я не поверил своим ушам, закричал:

— Вайюшка! Шельмец ты этак! Уж ты не ко мне ли?

Я отпрянул и увидел самого дядю, подблескивающего в блестящей коляске. У перевоза сходились все дороги, но я никак не мог подумать, чтобы дядя куда-то мог ехать из своего имения. Но что меня особенно поразило, это дядин вид. Я ожидал найти его все еще больным и удрученным, а между тем передо мной был тот величественный, мужественный и веселый генерал, каким я знал его и помнил в далеком детстве. Словно бы десять лет сразу свалилось с него.

— Громадина-то, громадина какая стала! — кричал мне генерал из коляски своим болтливым голосом.

Он ехал без кучера и правил сам.

— Жаль, что поцеловать тебя не могу. Последний год?

— Последний!

— А там тебя на гурку. Победил?

— Победил, дядюшка.

Мы оба расхохотались так, что солдат у перевоза, орлом вытянувшийся перед генералом, не мог не улыбнуться.

— Здорово, рубака! крикнул ему генерал.

— Здравия желаю, ваше пр-ство! — счастливо заорал солдат.

Генерал прищурился на него, внимательно разглядывая и спросил:

— Тимошей?

— Так точно, ваше пр-ство!

Голый капитон уже подгонять плоть к приюстам. Я отпустил своего упрямого Сидора домой и пересел в немецкую дядюшкину коляску.

— Ну вот, теперь поцелуемся. Здравствуй, шельмец! — сказал дядя, обняв меня. — Забдем-ка тут в избу, возмем квасу подать, предложим дядюшка. — Садись, Тимошей, сзади. Нечего кости ломать. Къ своей части?

— Так точно!

Капитон переталочил нас на тот берег, с ошеломлением получил от генерала бумажку и, зажав ее в зубах, опять бросился в воду и поплыл на другую сторону.

— Сродственник мой. Провожать! — засмеялся Тимошей. — И попрощаться не успеть. Как наградили!

Узкая дорога круто пошла за речкой вверх между двумя печальными желтыми стенами. Когда мы въехали наверх, къ деревне, издали донесся голос Капитона:

— Прощай, Тимошей! Эй, прощай! Кланяйся там! — кричал он.

— Опомнись! — опять разсмехался Тимошей.

— Так-то вот, братец, — сказал ему дядюшка, занятый какими-то своими думами. — Солдату солдат всегда брат. Помни эту поговорку. Вести мы друг другу помогать должны. Ты за меня, я за тебя. Помнишь воинский устав? Что есть солдат?

— Так точно, помню.

— И всегда помни. И ты солдат, и я солдат. Бог вест, где сойдемся.

Латыши везут на соседний перевязочный пункт раненых в бою немецких солдат.

На позициях в Курляндии. По фот. полковника А. Д. Далматова.

(См. очерки Н. Н. Брешко-Брешковского: „На Прибалтийском театре войны“ и „Война в Прибалтийском крае“ в №№ 26 и 27 „Нивы“).

Последние слова дядины и внезапная задушевность его были мне еще удивительнее, чем недавнее его оживление. И тут, Бог вест, как, мне пришла в голову такая мысль, какой я сначала даже не поверил. Но она отлично объясняла мне все, что делалось в дядиной душе.

Дядюшка! Да неужели? — воскликнул я, пораженный.

Он повернулся ко мне и ясным простым умом своим сразу же понял меня.

— А что же? — сказал он. — И пойду. Ясно, как огурец. Твой орать шель, ему не орал над ухом: неужели?

— Так вы теперь в город едете?

— Как огурец!

— И хлопотали об этом?

— Огурец!

Я с таким восхищением и сиянием посмотрел на него, что он даже смутился.

— Ну-ну! — сказал он, отворачиваясь. — Ясно!

Он заговорил о чем-то опять с Тимошей. Они стали вспоминать какое-то давнее время, когда Тимошей служил еще у дяди в имении. Генерал вдруг подмигнул Тимошею и спросил:

— А помнишь, как ты просился поехать тебя?

В минуты отдыха. По фот. С. Корсакова.

и часе хлопал глазами, а Тимошей стоял перед ним, весь красный, как рак.

— Ежели что и было... — бормотал скороговоркой дядя. Ты сдуга, я барин. Понятно, старик, старый остань...

— Помилуйте, ваше пр-ство, — в то же самое время бормотал и Тимошей. — По гроб жисти ласку помнить буду. Извольте простить, ваше пр-ство!

Увидев меня, дядя строго нахмурился и замахал мне рукой.

— Ну-ну! — закричал он. — Не твоё тут дело, не твоё!

Он пошел къ тарантасу и взял вожжи в руки. Когда мы снова очутились среди зеленых неоглядных полей, дядя обернулся ко мне и сказал:

— Так-то вот, шельмец. Ни одного камня нельзя выбросить из короны, ни про один камень нельзя сказать: „это плохой камень“. Помнишь притчу, какую я тебе рассказывал?

Да, я помню эту притчу и только с новыми восхищениями смотрю на него. И притчи этой не забыл мне всю жизнь.

Шорники за работой. По фот. С. Корсакова.

— Так точно! — счастливо вспомнил Тимошей. — Я самый и был.

Оба они засмеялись и так надолго, что баба, которая вышла из крайней избы нам навстречу с квасом в глиняном кувшине, устала стоять переть ниши и пошла разгонять двух неистово дерущихся на дороге петухов.

Дядя вынул стакан квасу и пожелать умыться. Тимошей любовно помог ему высадиться из тарантаса и потом пошел за ним вообще помогать. Видно, он хорошо узнал дядины привычки за все время службы у него.

Я остался один среди пустынной улиты. Баба ушла в избу, разогнанные петухи удалились на задворки, где им никто не мог мешать. Из одного окна высунулась было худая стариковская голова, глянула туда-сюда спросонья, но и тотчас же спряталась. Сначала я все восхищался дядиной независимостью, доблестью и благородством, представляя себе, как он едет в город. Но скоро я устал дожидаться, замотать вожжи за железную ручку у перека и пошел по открытым вратам во двор.

Совершенно неожиданно я наткнулся тут на дядю и Тимошею. Оба они стояли посреди двора, и оба были столь странны, что я долго не мог ничего сообразить. Дядя маял в руках платок

Походная кузница. По фот. С. Корсакова.

Подполковник Д. Н. Захаровъ. Есаул Л. О. Аничкинъ. Капитанъ Е. М. Державинъ. Капитанъ Е. И. Илыковъ. Штабс-капитанъ Е. Н. Крыловъ.

Штабс-капитанъ А. А. Кузьминъ. Штабс-капитанъ Б. Н. Фалёвъ. Штабс-капитанъ Н. С. Калининъ. Штабс-капитанъ В. А. Устиновичъ. Штабс-капитанъ В. Г. Бёликъ.

Штабс-капитанъ О. А. Патраманъ. Поручикъ В. З. Смольскій. Поручикъ И. А. Киришкё-Бовременецъ. Поручикъ Г. В. фонъ-Баумгартенъ. Сотникъ Б. М. Бардышевъ.

Поручикъ И. Е. Петровъ. Подпоручикъ Н. С. Мелиновскій. Подпоручикъ Г. И. Сологубъ. Хорунжій А. А. Пискуновъ. Прапорщикъ С. И. Смирновъ.

Прапорщикъ Я. В. Смирновъ. Прапорщикъ А. М. Духовниковъ. Прапорщикъ Н. Д. Модестовъ. Прапорщикъ А. А. Малининъ. Прапорщикъ В. И. Шутовъ.

Въ заревъ войны.

(Записки военного корреспондента). М. Доманского.

XI. На питательномъ пунктѣ.

На станціи Р. шагалъ въ полупустыхъ отъ вокзала, возлѣ самыхъ путей, я увидѣлъ нѣсколько палатокъ. Подошелъ ближе. Надъ входомъ въ самую большую, подъ русскимъ національнымъ флагомъ, — маленькая вывеска:

„Н-скій питательный пунктъ“.

Удивительно кстати. Когда сегодня утромъ, сдѣлавъ послѣдній тридцативерстный перегонъ на лошади, я приѣхалъ на станцію и, остановивъ какого-то субъекта въ желѣзнодорожной фуражкѣ, спросилъ, имѣется ли здѣсь, на станціи, буфетъ, онъ посмотрѣлъ на меня, — я ясно видѣлъ, — съ весьма значительной долей презрѣнія и отвѣтилъ:

— Какой же тутъ можетъ быть буфетъ? Всего только три дня, какъ нѣмцевъ отсюда выгнали. Станція вся разбита!

Вотъ почему маленькая вывеска надъ палаткой привела меня въ искреннее умиленіе.

У входа я столкнулся съ сестрой, молодой, красивой.

— Скажите, сестра, вы питаете только нижнихъ чиновъ?

— И нижнихъ чиновъ, и офицеровъ, и генераловъ, и людей штабскихъ, словомъ, всѣхъ, кто хочетъ ѣсть! — отвѣтила сестра, улыбающаяся.

Я вошелъ. То, что я увидѣлъ, могло привести въ изумленіе даже самого избалованнаго комфорта человѣка.

По всей длинѣ палатки тянулся большой столъ, покрытый красивой лиловой узорчатой скатертью. На столѣ въ вазахъ и стаканахъ были разставлены букеты яркихъ цвѣтовъ. Среди букетовъ стояли подъ большими стеклянными колпаками закуски: ветчина, сыр, сардины, кильки и какіе-то маринады. Громадные стеклянные кувшины съ водою чередовались съ такими же кувшинами съ молокомъ. Возлѣ каждого прибора лежала безукоризненной чистоты подъ цвѣтъ скатерти литовая салфетка.

Противоположную отъ входа стѣну палатки занималъ тоже не маленький столъ, весь заваленный газетами и журналами. И на этомъ столѣ стояло нѣсколько букетовъ.

Два остальныхъ угла палатки были заняты большимъ ледникомъ и столомъ, на которомъ высились груды тарелокъ самаго разнообразнаго калибра и привѣтливо помахивали на спиртовкѣ громадный кофейникъ.

Было уютно и красиво. Непривычно красиво въ боевой обстановкѣ. Сестра, которую я встрѣтилъ у входа, пошла вѣстѣ за мной. Я повернулся къ ней и замѣтилъ:

— Хорошо, очень хорошо у васъ, сестра! Но только, пожалуй, здѣсь много лишней роскоши!

— Знаю! Знаю! — широко улыбнулась она. — Много разъ уже ехала. Забѣтъ на столѣ безукоризненно чистая да еще узорчатая скатерть, когда столъ можно покрыть клеенкой? Почему вода и молоко въ стеклянныхъ кувшинахъ? Вѣдь эмалированные много практичнѣе. Забѣтъ закуски подъ колпаками? Это ничего, что мухи; можно ѣсть и съ мухами; ну, и конечно, совершенно излишняя и даже, пожалуй, недопустимая на войнѣ роскошь — цвѣты. Вы это хотите сказать?

— Не совсѣмъ! Я только высказываю предположеніе, не является ли вся эта красота, вѣрнѣе, даже роскошь въ ущербъ удобству, практичности?

— Очень возможно! — отвѣтила сестра. — Возможно, и даже не возможно, а песимѣнно, что эмалированные кувшины перевезти гораздо легче, нежели стеклянные. Стеклянные колпаки легко бьются. Скатерть и салфетки приходится часто стирать. Словомъ, есть и нѣкоторыя неудобства и много лишней работы. Но я нахожу, что все это, — вся эта излишняя роскошь, какъ вы изволите выражаться, — необходимо. И именно здѣсь, на войнѣ. Теоретически я вамъ доказывать этого не буду, а разскажу, что случилось у насъ недѣлю три тому назадъ. Мы стояли у самыхъ передовыхъ позицій, верстахъ въ шести позади нашихъ окоповъ. Разбили лагерь и, между прочимъ, эту самую палатку у деревушки, вмазали котлы, начали работать. Полно всегда нижнихъ чиновъ, не пустуетъ и офицерская столовая. Зашелъ однажды штабс-капитанъ пѣхотный: съ позицій его везли раненаго. Рана

несерьезная, — ружейная пуля зѣвную руку у плеча нависла, прошла. Зашелъ закутить. Поданъ ему вѣтчины, яичъ, ветчины, потомъ кружку кофе со сливками. А столъ такъ же, какъ сейчасъ, былъ убранный: стеклянные кувшины, колпаки, скатерть, цвѣты. Посидѣлъ штабс-капитанъ, закурилъ, газетку, журналы просмотрѣлъ.

— Скажите, — говоритъ, — вашъ питательный пунктъ — благотворительное учрежденіе? Платятъ ли никакой не беретъ?

— Благодарительно! Благодарительно! — говоритъ. — Платятъ намъ не полагаются!

— А на какихъ средствахъ все это дѣлается?

— Это, — отвѣчаю, — краснокрестскій фондъ. Значитъ, на средства, которыми Красный Крестъ получаетъ отъ общества отъ народа.

— На пожертвованія?

— Да, на пожертвованія!

Вынулъ бумажникъ, досталъ оттуда двѣсти рублей, протягиваетъ мнѣ и говоритъ:

— Позвольте въ такомъ случаѣ и мнѣ внести свою лепту. Это половина моихъ сбереженій, сдѣланныхъ за время войны. Больше, — говоритъ, — вы дѣло дѣлаете. И не столько тѣмъ, что кормите насъ, — слава Богу, хорошие мы рѣдко бываемъ, — сколько красотой, уютомъ, которыми вы это обставили. Посидѣлъ я у васъ и первый разъ за время войны душою отдохнулъ, какъ слѣдуетъ. Вы представьте себѣ не можете, какъ уютно и на войнѣ отсутствіе уюта, красоты, изысканности! И эта чистая скатерть, и красивые кувшины, и цвѣты въ вазочкахъ, вся эта въ обычное время мелочь, сейчасъ имѣютъ для меня да и для десятковъ, сотенъ такихъ, какъ я, громадное значеніе: мы лишены всего этого. Насъ тянетъ къ такой обстановкѣ, потому что сна непохожа на ту, въ какой намъ приходится сейчасъ жить. Большое вамъ спасибо!

— Говоритъ, а у самого голосъ дрожитъ: видно, нервы сильно истрепаны.

— Вотъ видите! — снова улыбнулась сестра. — Выходитъ, что вся эта роскошь далеко не такъ излишняя, какъ кажется на первый взглядъ. А мы рады и порабогаче лишнее и испытать нѣкоторыя неудобства, лишь бы дать возможность, какъ сказалъ штабс-капитанъ, отдохнуть у насъ душой. Однако, говорятъ, словесно баснями не кормятъ. Чѣмъ прикажете васъ потчевать? Обѣдъ будетъ готовъ черезъ три четверти часа. Можете-быть, вынете сейчасъ кружку кофе и закусите бутербродами?

— Съ наслажденіемъ!

Сестра занялась приготовленіемъ кофе. Я закурилъ. Въ палатку вошла еще одна сестра, постарше, и, не замѣчая меня, сдѣлала глубокий реверансъ первой сестрѣ и съ преувеличенной важностью отъѣхала.

— Сегодня на третью у насъ мороженое.

И, только тутъ замѣтивъ меня, сконфузилась и покраснѣла. Я поспѣшилъ представиться и, чтобы вывести сестру изъ неловкаго положенія, замѣтилъ:

— Мороженое на позиціяхъ! Это тоже одно изъ чудесъ нашей войны.

— Какое же это чудо? — живо отвѣтила сестра. — Машинка у насъ есть, установка была только за лѣдомъ. Я отправилась въ мѣстечко и нашла у аптекаря ледникъ, доверху набитый льдомъ. Теперь можно каждый день мороженое крутить. А вы изволите кофе пить? Чего ради? Скоро вѣдь обѣдъ!

— Сегодня еще маковой росники во рту не имѣлъ! — отвѣтилъ я.

— Бѣдненькій! Ну, кушайте, кушайте на здоровье.

— Тѣмъ боже, что обѣдъ еще не такъ скоро! — замѣтила первая сестра. Пока мы еще бѣженцевъ накармливаемъ!

— Какихъ бѣженцевъ? — спросилъ я.

— Мирныхъ жителей, крестьянъ, которые бѣжали изъ полосъ, занятой нѣмцами. Ихъ понемногу увозятъ въ тылъ. Но ежедневно прибываетъ по нѣскольку сотъ новыхъ. Сейчасъ на станціи ихъ скопилось около двухъ тысячъ. Мы всѣхъ ихъ кормимъ. Слышите? Уже собираются!

— Уже минуло двѣ-три снаружи доносился гулъ голосовъ.

Рис. 1. „На питательномъ пунктѣ“. По всей длинѣ палатки тянулся большой столъ...

Рис. 2. „На питательном пункте“. Все места у столов были заняты...

Неужели они так нуждаются в кормежке? Здешние крестьяне очень вьд состоятельны!

Во-первых, отбьтла сестра: мы никогда не спрашивали тех, кто к нам приходит, состоятельны они или нть. Разъ они пришли, значить, хотять бть. А во-вторых, они бьжали поспшно, не успвъ ничего взять съ собою. Наконецъ они очень деликатны. Если кому-нибудь удалось захватить хоть немного припасовъ, такой къ намъ не явится. Даже больные, съ нами пойдутъ. А вчера, напримръ, такая исторя вышла. Сидимъ мы во въ палатки, отдыхаемъ. Въмъ персоналомъ сидимъ, а сестра и наль завѣдующий хозяйствомъ. Вдругъ подходятъ четверо стариковъ. Сняли шапки, поклонились.

Что скажете? спрашиваемъ.

Черель часъ, говорять, мы убьжаемъ! У насъ у каждого есть здсь по двъ коровы. Такъ по одной мы вамъ оставляемъ. Какъ намъ?

А такъ вамъ! Значить, совсмъ отдаемъ! Вы народъ кормите: онъ у васъ тутъ на похъду поидтъ! Спасибо вамъ и за насъ и за дѣтей вашихъ несчастныхъ. Помогай вамъ Божь!

„Поклонились и ушли. Коровъ мы ршили пока что не рзать: молоко свое будемъ. А молоко намъ нужно: дѣти у бьженцевъ очень много“.

Сестра помолчала немного, потомъ тяжело вздохнула.

Эти бьженцы — ужасное явленіе! Мирные люди, никакого отношенія къ войнѣ не имѣющіе, должны бросать трудъ, все свое имущество и уходить, потому что придуть разбойники и не только разграбить все, но еще изобьютъ или даже убьютъ. Вы бы видѣли, въ какомъ ужасномъ состояніи они являюся сюда, на станцію. До полушмерти напуганные, совершенно разбитые морально. Помилуйте, для нихъ вьд это конецъ. Неожиданный, ужасный конецъ спокойной, сытой жизни. Впереди абсолютная пизивѣтность. Гдѣ прсклонить голову, чьмъ кормиться, какъ вообще жить? Дома нть. Тамъ, гдѣ былъ домъ, хозяйничаютъ сейчасъ нѣмцы. Значить, вернуться туда нельзя. И снова ужасный вопросъ: временно ли это, или ужь никогда нельзя будетъ вернуться. Вотъ почему женщины все время плачутъ: не легко вьд все это. Это горе одно, такъ сказать, общее. Но у многихъ есть еще свое личное горе. Ахъ, какъ много его, если бы вы только знали. Вчера утромъ подъѣзжаетъ одинъ возъ, всѣ бьженцы здсь, вождъ насъ, на потягъ останавливаются, на возу, какъ у всѣхъ, мшки, уалы, а сверху сидитъ баба и человекъ пять дѣтишекъ. Баба плачетъ во-всю. Подошла я, спрашиваю:

Что ты плачешь?

Отецъ у меня остался!

Гдѣ?

Дома! Въ деревнѣ!

Зачѣмъ же вы его оставили?

Больной онъ, безногий!

Стала я разспрашивать. Дѣйствительно, есть отъ чего заплакать. Жили шумно, работали. Вдругъ, страшная вѣсть: нѣмцы идуть, ужь близко. Сообщили объ этомъ пастухи, которые пасли стадо далеко отъ деревни. Началась паника. Запрягли лошадей, сложили въ телегу, что подъ руку пошло, посадили пятерыхъ дѣтей: старшей дѣвчонѣ всего одиннадцать лѣтъ. А на печи хозяйкиной отецъ лежалъ, рыбакъ старый: ревматизмъ

Рис. 3. „На питательном пункте“. Пять санитаровъ весь день непрерывно разносятъ чай...

его такъ крутили, что шевельнуться не можетъ. Стать его хозяинъ поднималъ, чтобы на возъ посадить. Кричить старикъ отъ боли. Потомъ возмоллся:

„Не трогайте, говорите, меня! Не мучьте. Лучше я здсь останусь.“

Нельзя здсь! говорять ему. Сейчасъ нѣмцы придуть. Убьютъ тебя!

„Пукай убиваютъ! Все равно я не дожду. Куда мнѣ!“

Поспорили, поспорили, оставили старика. Положили возъ его краюху хлѣба, поставили ковшъ воды и уѣхали.

„До сихъ поръ несчастная женщина плачетъ. Что теперь съ отцомъ моимъ будетъ?“

„Стала я ее утѣшать:“

„Не убьютъ вашего отца, не беспокойтесь! Зачѣмъ нѣмъ больного старика убивать?“

„Если нѣмцы не убьютъ, плачетъ, — такъ самъ съ голоду умретъ. Вьд онъ шевельнуться не можетъ, не то, что съ печи слѣзть!“

„На это я ужь ничего не смогу отвѣтить. Развѣ это не ужасно? А го есть тутъ еще одна женщина. Та совсмъ ненормальна отъ горя. Впрочемъ, есть отъ чего съ ума сойти. Вообразите, она потеряла дѣтей. Вдова она и бѣдная, лошади не было. Когда всѣ бросились уходить, взвалила она узелъ на спину, взяла дюжину дѣтей за руки и пошла. Огонили верстъ пять. Вдругъ свали пачетъ нѣмецкй разбѣдъ. Налетѣлъ съ крикомъ, съ обнаженными саблячи. Это на стариковъ-то, женщинъ и дѣтей. Тѣ, конечно, обезумѣвъ отъ ужаса, бросились въ разные стороны. Дѣло происходило въ густомъ лѣсу, поздно вечеромъ. Нѣмцы покричали-покричали и повернули назадъ. Сталъ народъ выходить изъ лѣса. Вдова мечется во всѣ стороны.“

„Гдѣ мои дѣти?“

„Оказывается, одинъ ихъ видать, другой. Стали успокаивать несчастную женщину.“

„Не беспокойся! Ихъ должно быть, кто-нибудь впереди на телегу посадить. Добудуть! Куда нѣмъ дѣться? Идемъ съ нами!“

Послушалась вдова, пошла. По дорогѣ всѣхъ спрашивала. Всѣ говорятъ, что дѣтей видѣли. Дѣтей вьд, вообще съ бьженцами очень много. Пришла сюда, бьгаея, ищетъ, нть дѣтей. Стали своихъ спрашивать, которые раньше прѣхали и прини, никто не видѣлъ. Съ ума сошла несчастная. Назать бьжать боясь, потому что каждую минуту дѣти могутъ подойти или подѣхалъ, да и какъ теперь пройти черезъ линію нашихъ и германскихъ войскъ? Вы бы посмотрѣли на эту женщину! Совершенно ненормальная. Подходить къ каждому и спрашивать:

„Не видѣли ли вы моихъ дѣтей?“

„Или сидитъ подъ деревомъ и стонетъ. Вы понимаете, до чего, значить, велики переживаемыя ею нравственные муки? Стоитъ, какъ стонуть отъ нестерпимой физической боли. Такъ много здсь, среди бьженцевъ, горя, какъ много страданій, что передать нельзя!“

Красивое лицо сестры стало печальнымъ. Повидимому, все это горе, всѣ эти страданія, о которыхъ она говорила, не просто проплывали передъ ея глазами, а западали глубоко въ душу.

Я закурилъ, допилъ кофе и попросилъ разршенія посмотреть, какъ обьчаютъ бьженцы.

— Конечно, можно! Пожалуйста! живо отвѣтила сестра, нтавая. Они какъ разъ сейчасъ сѣли. Пойдемте, я вамъ покажу.

Мы вышли. У выхода изъ палатки, спирала, гянулось нѣсколько длинныхъ узкихъ столовъ. Вдоль нихъ стояли сидимъ. Всѣ мѣста у столовъ были заняты. Вперемѣлку сидѣли женщины и мужчины, старики, старухи, дѣти. Въ глаза мнѣ сразу бросилась одна особенность. Несомнѣнно, лица у сидящихъ были разные: одни были красны, другія некрасивы, были лица симпатичныя и несимпатичныя. Но рѣшительно на всѣхъ лицахъ, дѣлая ихъ удивительно похожими другъ на друга, тесалъ огненный, тревоги, растерянности.

Нѣсколько санитаровъ разносили по столамъ бѣлые эмалированные миски съ жидкимъ варевомъ. Бѣли неторопливо, степенно. Миски выдвали до чиста. Крошки хлѣба собирали со стола на ладонь и тоже съѣдали. Когда кто-нибудь кончалъ бть и вставалъ изъ-за стола, на его мѣсто тотчасъ же садился одинъ изъ ожидающихъ очереди.

Чѣмъ вы ихъ кормите? обратился я къ сестрѣ.

Утромъ чай съ хлѣбомъ. Сейчасъ, на обѣдъ, два блюда: борщъ или супъ съ крошечнымъ мясомъ и какая-нибудь каша. Сегодня, напримръ, манная на молокѣ. А въ шесть часовъ — ужинъ, одно горячее блюдо: или то, что остается отъ обѣда. Кромѣ того, цѣлый день даемъ въ неограниченномъ количествѣ чай. Но сахару только по кусочку на чело-вѣка. Вотъ посмотрите: у насъ цѣлая батарея огромныхъ самоваровъ, а мы еле-еле успѣваемъ нагрѣвать кипятокъ. Пять санитаровъ весь день непрерывно разносятъ чай. Это, быть-можетъ, неэкономно. Но сейчасъ дѣто, жара, вода здсь гвверная, если они будутъ пить ее сырую, могутъ начаться желудочныя заболѣванія. Вотъ почему мы такъ охотно раздаемъ чай. А вить сотни для нижнихъ чиновъ, — указала сестра.

Ихъ было всего два, и они были значительно короче тѣхъ, за которыми сидѣли бьженцы. Я удивился. А сестра объяснила:

Здсь не то, что у самыхъ позиций. Здсь нижние чины проходятъ главнымъ образомъ командами. А команду безъ обѣда не отправляютъ. Поэтому массоваго кормленія нижнихъ чиновъ у насъ здсь нтъ. Но все же человекъ до полнотораста, до двухсотъ ежедневно набирается.

Да бьженцевъ, вы говорили, до двухъ тысячъ?

Это сегодня около двухъ. А позавчера и вчера было немного меньше.

Какъ же вы справляетесь? спросилъ я съ искреннимъ удивленіемъ.

Сейчасъ нетрудно! весело отвѣтила сестра. Машинка уже налажена. Я числюсь старшей сестрой. Та вторая сестра — моя помощница. Но работаемъ мы одинаково. Санитары наши народъ расторопный. А всю канцелярскую часть ведетъ завѣдующій хозяйствомъ.

И неутомительно?

Раньше утомлялась, сейчасъ уже ничего, привыкла! Вы, вѣроятно, хорошая хозяйка!

Рис. 5. „На питательном пункте“. Въ минуты отдыха.

Рис. 4. „На питательном пункте“. Старшая сестра.

Я — хорошая хозяйка? Сестра искренно разсмѣялась. Наоборотъ, я прескверная хозяйка, то-есть была до войны. Понятія о хозяйствѣ не имѣла.

Такъ зачѣмъ же вы пошли на питательный пунктъ?

Это, видите ли, вышло такъ! Мой мужъ офицеръ. Мы три года женаты, но дѣтей у насъ нтъ. Когда мужъ уѣхалъ съ полкомъ на войну, я рѣшила сдѣлаться сестрой милосердія. Хотѣлось внести и свою крошечную лепту въ великое дѣло! — Соединилась моя немного смуглая и покраснѣла. А, можетъ-быть, просто испугалась тоски. Хотѣлось, чтобы что-нибудь увлекло, захватило всю цѣликомъ. Кончила курсы сестеръ милосердія. Благодаря знакомствамъ, попала сразу въ передовой санитарный отрядъ и сразу же оскандалилась. Оперировалъ докторъ солдата, ну изъ ногъ вынимать. А мнѣ приказалъ держать ногу. Подошла, я бѣжала. Нередъ глазами поилили красные и зеленые круги, ноль подъ ногами закачался. Точно сквозь сонъ слышу, докторъ кричитъ:

„Уведите сестру, ей дурно!“

„Увели меня. Немного отошла. Какъ же теперь быть?“ думаю. Не могу, значить, работать. Поговорила съ нашимъ старшимъ врачомъ, удивительно симпатичный, отзывчивый человекъ.

Вы, говорите, исподволь привыкайте! Раньше только къ легкимъ перывкамъ присматривайтесь. Забѣмъ постепенно на болѣе серьезныя переходите. А тамъ и сами попробуете справиться!

Стала я приучать себя. Ничего не выходило. Не могу видѣть крови, дурно дѣлается. Опустились у меня руки. Вотъ тебѣ, думаю, и поработала! Нужно обратно домой бѣжать... Спасибо, тотъ же старшій врачъ надумалъ:

„Зачѣмъ домой бѣжать? Попробуйте поработать на питательномъ пунктѣ. Тамъ тоже люди нужны!“

Но вьдъ я о хозяйствѣ нѣбу самое смутное пред-ставленіе!

Чепуха! При желаніи живо научитесь!

И вѣрно. Перебралась на питательный пунктъ, начала работать, научилась. Штука вьдъ не чудрая! Пойдемте, я вамъ покажу нашу кухню. Вы увидите, въ какихъ традиционныхъ раз-мѣрахъ у насъ все дѣлается!“

Мы осмотрѣли кухню, походили по лагерю бьженцевъ.

А теперь идемте обѣдать! — посмотрѣла на часы сестра.

Обѣдъ былъ простой, но обильный и вкусный. Кромѣ завѣдую-щего хозяйствомъ, двухъ сестеръ и меня, обѣдали еще три офицера и помѣщики, который утромъ въ этотъ день прѣхали изъ занятой германцами полосы.

Время прошло незаметно. Послѣ обѣда нѣкоторые разошлись, нѣкоторые остались просмотрѣть газеты и журналы. Я стала прочитаться.

Заходите еще до отбѣда! — любезно пригласила старшая сестра.

И въ ея привѣтливыхъ словахъ, и въ только-что покинутой мною, съ трогательной заботливостью обставленной, палаткѣ, и во всемъ, что окружало эту палатку, было удивительно много пихаго, красиваго уюта, такого цѣннаго, такого необходимаго на войнѣ.

X H B A

